

© 2013 г. *О.В. Ширяева*
УДК 81

ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В МЕДИАДИСКУРСЕ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Современная точка зрения на семантику и прагматику обоснована представлениями об антропоцентрической природе языка, о тесной связи и взаимодополнительности референциального и прагматического значений слова и текста. Включение адресанта и адресата речи как языковой личности в сферу семантики является в такой модели языка обязательным. Предмет нашего исследования – категория модальности, реализующаяся в современном дискурсе, в частности, в медиадискурсе. Цель данной статьи – проанализировать актуальные точки зрения на данную лингвистическую категорию и выявить возможности прикладного использования семантико-прагматической трактовки модальности в медиадискурсе.

«Границу между прагматикой и семантикой в лингвистике провести трудно и, возможно, необязательно, – считает Е.В. Падучева <...> Прагматика изучает значение в его отношении к речевой ситуации (т.е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и под.) и к ее контексту. Объектом прагматики являются прагматические значения разного рода, пропозициональные установки говорящих – исходные допущения, намерения, мнения, эмоции и пр.» [1, с. 221].

Невозможность процедурно и онтологически отделить референциальное, «объективное» значение слова (текста, дискурса) от его субъективного значения, т.е. того «пучка» фоновых значений, которые мотивированы этнической, национальной, исторической картиной мира, а также психологическими, идеологическими и прочими интенциями, порождает целостный взгляд на семантику как одновременно логическую и иррационально-ситуативную область смыслов. «Для логика семантика – это отношение между знаками и внешним миром. Однако значение слов и конструкции естественного языка не может быть сведено к отношению между языком и миром. Значение в естественном

языке антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы, более того, оно этноцентрично. <...> Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою» [1, с. 223].

Е.В. Падучева, следуя концепции языка А. Вежбицкой, утвердившейся в лингвистической парадигме начиная с 1980-1990 гг., определяет лингвистическую прагматику как «область семантики <...> которая изучает языковые элементы, ориентированные на речевое воздействие; иначе говоря, элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль» [1, с. 223]. И хотя далее автор указывает на «добавочность» прагматического значения, которое не может само по себе составить содержание высказывания, это периферийное место в иерархической структуре означаемого, как видится, не отменяет обязательности прагматического компонента в любой дискурсивной репрезентации языка.

По мере внедрения коммуникативно-дискурсивной парадигмы в языкознание прагматика все чаще и настоятельнее стала рассматриваться как часть семантики (А. Вежбицкая, Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Миронова и др.), в то время как в период становления этой области лингвистической теории прагматика понималась автономно (Ч. Моррис) или как область регламентации перформативов, т.е. правил употребления языка (Л. Витгенштейн).

В центре нашего исследования – те компоненты семантики, которые не исчерпываются конвенционально закрепленными в языке значениями, составляющими референциальное содержание, а дополняют высказывание имплицативными характеристиками субъективного плана (совет, просьба, приказание, обещание, предупреждение, предположение и т.д.). В целом понятие иллокутивного акта охватывает выражение коммуникативного намерения в высказывании (в то время как сам акт высказывания является локутивным актом).

Если для пропозиции утвердительного характера, т.е. не несущей иллокутивной функции, существенно различие истинного / ложного высказывания [2], то для перформативных предложений релевантна оппозиция успешный / неуспешный (или эффективный / неэффективный: ср. распространенное в лингвистических трудах конца 1990 – 2000-х гг. словосочетание «эф-

фективная коммуникация», «эффективность коммуникации», «эффективное (речевое, коммуникативное) воздействие» и т.п. – см., например: [3]).

Успешные речевые акты в качестве необходимых условий должны соответствовать в первую очередь коммуникативным постулатам. Понятие коммуникативных постулатов, или постулатов дискурса, ввел в лингвистический обиход Г. Грайс. Кратко они могут быть сформулированы следующим образом: 1) информативность (требование достаточной для понимания адресатом информативности высказывания); 2) истинность (требования правды или достаточных оснований высказывания); 3) релевантность (необходимость сообщать существенное в данной ситуации); 4) ясность выражения [1, с. 239]. Приведенные постулаты составляют так называемую «имплицатуру дискурса», т.е. не формализуемое, но очевидное основание успешности коммуникации. Помимо коммуникативных постулатов существенно для экспликации семантики высказывания знание и понимание контекста, т.е. среды коммуникации [3, 4].

Модальность является «функционально-семантической категорией, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [5, с. 303]. М.В. Лопатюк обращает внимание на разные подходы в трактовке модальности. Так, он ссылается, в частности, на точку зрения З.Я. Тураевой, связывающей категорию модальности с процессом «порождения и восприятия речи» [6, с. 7]. Обратим внимание на то, что в основе социокультурной коммуникации лежит принцип оценки действительности субъектом речи, а также выражение собственной позиции по отношению к этой действительности. Это особенно актуально для таких дискурсов, как медиадискурс (рекламный, газетный, журнальный, телевизионный, интернет-дискурс).

Не менее существенным является изучение категории модальности в рамках функционально-семантического (А.В. Бондарко и др.), а шире – когнитивного подхода (Е.С. Кубрякова, С.Г. Воркачев, Л.И. Гришаева, И.А. Стернин и др.). В связи с активизацией антропологического подхода в лингвистике [7] категория модальности, в основе которой – субъективное отношение и оценка, становится одним из первостепенных предметов изучения. Как пишет М.В. Лопатюк, «исследователи все чаще обращаются к концепциям текста, в соответствии с которыми на первый план выдвигается его каузирующее начало и текст воспринимается как продукт активной речевой деятельности человека» [6, с. 8].

Развитие теории модальностей сформировало две концепции. Одна из них построена на классификации объективных модальностей, которые сводятся к понятиям «истина» / «ложь» высказывания (ее придерживаются логики и философы) [2], другая концепция ориентирована на описание субъективных модальностей, которые не сводятся к критерию истинности / ложности. Данной концепции придерживаются современные лингвисты, отказавшиеся от жестких, рациональных структуралистских моделей языка и выбравшие антропологическую парадигму в языкознании (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, В.С. Виноградов и др.) [2]. В основе лингвистической категории модальности, таким образом, – формальные единицы грамматического выражения различных аспектов отношений семантики речи к реальной действительности.

Итак, под категорией модальности в целом понимается выражение отношения высказывания к действительности. Такое общее определение модальности не вызывает разногласий у лингвистов, но некоторые авторы включают в число модальных значений только интеллектуальные (рациональные), а другие – рациональные и эмоциональные значения.

Один из основополагающих критериев в характеристике категории модальности – это выделение объективной и субъективной модальности. Объективная модальность является категорией, сигнализирующей об отношении сообщаемого к действительности по критерию реальность / ирреальность. Средство выражения данной семантики – наклонение глагола. Система наклонений в разных языках несколько рознится, однако в индоевропейской семье языков есть общие признаки: изъявительному наклонению (индикатив) как выражению реальности (осуществляемости или осуществленности действия, процесса) противопоставляются наклонения, выражающие различные семантические градации ирреального действия (согласительное, условное, желательное, побудительное, долженствовательное). Общее отличие индикатива от ирреальных наклонений – отношение к категории времени. Если индикатив обладает определенностью и дифференцированностью глагольных времен (различные формы прошедшего – настоящее – формы будущего времени), то ирреальные наклонения отличаются неопределенностью категории времени.

Субъективная модальность не является основным признаком высказывания, она факультативна. Семантика субъективной модальности заключена в отношении субъекта речи к сообщаемому.

Семантический репертуар значений субъективной модальности превышает семантический объем объективной модальности. Это объясняется богатством значений оценки, за счет которых пополняется семантика субъективной модальности. Оценка как отношение субъекта высказывания к действительности может быть в самых общих чертах разделена на две основные категории: 1) рациональная оценка; 2) иррациональная оценка (удивление, желательность, презрение, опасение и пр.)

Актуальным является вопрос о средствах выражения субъективной модальности в дискурсе, и в частности, в медиадискурсе. Лингвисты выделяют целый спектр языковых средств, служащих экспликации семантики субъективной модальности:

- специальный лексико-грамматический класс слов, словосочетаний и предложений (на синтаксическом уровне они выступают в качестве вводных конструкций);
- специальные модальные частицы, выражающие различные эмотивные состояния и отношение субъекта речи к сообщаемому (опасение, удивление, презрение, желательность / нежелательность и т.д.);
- междометия;
- интонационные средства, акцентирующие необходимые эмотивные оттенки модальности;
- синтаксические средства: экспрессивный, инверсированный порядок слов;
- специальные синтаксические конструкции.

По справедливому наблюдению М.В. Ляпон, «в категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять “я” и “не-я” (концептуальное начало нейтрально-информативному фону) в рамках высказывания» [5, с. 303]. Данное свойство языка предельно четко было сформулировано в работах по французской стилистике и общему языкознанию Ш. Балли, который в каждом высказывании видел следующую модель: противопоставление «диктума» (т.е. референциального, нейтрального значения) «модусу» (субъективной оценке сообщения). В отечественном языкознании наиболее фундаментально категорию

модальности исследовали А.М. Пешковский, В.В. Виноградов. Оба исследователя подвели изучение категории модальности к тому сложному функционально-семантическому пониманию, которое позволяет говорить о предвосхищении идей прагматики и коммуникативистики в языкознании. Именно в последних аспектах наиболее активно исследуется модальность в последние годы. В.В. Виноградов, в частности, рассматривал модальность как семантическую категорию широкого объема [8, с. 66]. Он выделял в ней шесть значений: 1) значения, относящиеся к целевой установке говорящего (или к коммуникативной функции высказывания); 2) оценка говорящим содержания пропозиции с точки зрения реальности / ирреальности (гипотетичность, потенциальность и т.д.); 3) оценка субъектом речи препозиционного действия с точки зрения его возможности, необходимости, желательности для субъекта пропозиции; 4) значения утверждения / отрицания; 5) оценочные значения двух типов: а) оценка говорящим события, названного в качестве возможного, необходимого или желательного; б) оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого; 6) эмоциональная, или качественная оценка говорящим [Там же].

Язык, согласно современным данным лингвистики, служит нескольким задачам антропологической деятельности: 1) познанию мира, 2) номинации явлений, предметов и процессов, 3) коммуникации с помощью различных дискурсивных практик [9, с. 239-248]. Коммуникативно-прагматический подход основан на принятии во внимание контекста речи, на отношении субъекта речи не только к собственному сообщению, но и к адресату. Фактор адресата является необходимым – имплицитным или эксплицитным – элементом, который сознательно или неосознанно учитывает говорящий (пишущий) в момент оформления речевого высказывания, т.е. в момент формирования определенного суждения о мире и своем / чужом в нем месте. Поэтому в одном контексте субъект речи выбирает одну модальность или стилистические средства ее выражения, в другом – иную.

Итак, модальность является одной из значимых оценочных категорий, относящихся к областям семантики и прагматики, т.е., в современной терминологии, к сфере дискурса. Помимо грамматических форм репрезентации модальность как категория располагает лексико-семантическими средствами – дискурсивными словами. К дискурсивным словам относят: метатекстовые обороты (более того, одним словом, наконец); предикаты внутреннего состояния; пред-

каты со значением сходства и подобия (напоминало); показатели идентификации (тот самый, никто иной как); слова со значением неожиданности (вдруг, внезапно, неожиданно, удивительным образом, удивительное дело); неопределенные местоимения и наречия (что-то, почему-то); обобщающие вводные слова и обороты (как часто бывает, по обыкновению, вообще); слова с оценочным значением («подразумевают субъект оценки») [1, с. 280-286].

Семантика и средства выражения, выбор между имплицитной и эксплицитной позицией субъективной модальности будут качественно различаться в таких медиажанрах, как новостная заметка (нейтрально-безразличная модальность), эссе (широкий спектр эмотивной модальности), очерк (балансирование между рациональной и иррациональной модальностью), репортаж (контрастное сосуществование рациональной и иррациональной субъективной модальности) аналитическая статья (преобладание рациональной модальности) и пр. Такая дифференциация нескольких аспектов описания модальности позволяет выделить уровни языковой структуры, на которых должен основываться комплексный анализ средств выражения модальности в медиадискурсе: 1. семантика; 2. лексика; 3. грамматика; 4. синтаксис; 5. пунктуация; 6. сверхфразовое единство (микрконтекст); 7. жанр и стиль (макрконтекст); 8. коммуникативно-прагматическая установка (обусловлена макрконтекстом и выходит на уровень психолингвистики, семиотики).

Обратим внимание на то, что «имплицитная субъективная модальность охватывает обширный круг значений, которые по тем или иным причинам не могут быть высказаны адресатом явно, открыто и должны быть «зашифрованы» с помощью определенных конструкций» [10, с. 14]. Данный вид модальности довольно распространен в иронических журналистских эссе, в новостных заметках, где отношение к происходящему, согласно законам жанра, не может быть выражено явно, эксплицитно, но тем не менее событие вызывает к интерпретации его данным органом СМИ. Имплицитная модальность требует от субъекта речи более виртуозного, творческого владения языком, чем от субъекта речи, открыто выражающего свои эмоции и суждения.

Таким образом, когнитивно-дискурсивный, коммуникативно-прагматический подход к анализу категории модальности, а тем более субъективной модальности является в современных условиях наиболее адекватно отражающим представления о языке и роли человека в его формировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
2. Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
3. *Дзялошинский Н.М., Пильгун М.А.* Ресурсы коммуникативного воздействия // Электронный журнал «Медиаскоп». 2012. № 2: <http://mediascope.ru/node/1082>
4. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М., 2001.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
6. *Лопатюк М.В.* Ситуативная модальность в романе Ф.М. Достоевского «преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе (функционально-семантический анализ): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Калининград, 2009.
7. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
8. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке. М., 1975.
9. *Гладров В.* Модальные слова. К вопросу о частях речи // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство / Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 239-248.
10. *Алиева Т.И.* Эксплицитные и имплицитные средства выражения модальности в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

LITERATURE

1. *Paducheva E.V.* Semantic study (Semantics time and type in Russian; Semantics narrative), 1996.
2. Logical Analysis of Language: Truth and truth in the culture and language. Moscow, 1995.

3. *Dzhaloshinskii N.M., Pilgun M.A.* Resources communicative impact // Electronic Journal "Mediascope." 2012. Number 2: <http://mediascope.ru/node/1082>
4. *ocheptsov G.G.* Communication Theory. Moscow, 2001.
5. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1990.
6. *Lopatyuk M.V.* Situational modality in the novel F.M. Dostoevsky's "Crime and Punishment" and its Spanish-speaking translation (functional and semantic analysis). Kaliningrad, 2009.
7. *Maslova V.A.* Linguistics: Studies. allowance for stud. High. Textbook. institutions. 2nd ed. Stereotype. Moscow, 2004.
8. *Vinogradov V.V.* On the category of modality and modal words in Russian. Moscow, 1975.
9. *Gladrov B.* Modal words. On the parts of speech // Horizons of modern linguistics: Tradition and Innovation / Sat. in honor of HH Cubreacov. M., 2009.
10. *Aliyev T.I.* Explicit and implicit means of expressing modality in modern French: Dis. ... Candidate. Philology. Science. Moscow, 2003.

Южный федеральный

университет, Ростов-на-Дону, Россия

24 февраля 2013 г.